

Ю.А. Нисневич
ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры политического поведения факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: julius@comtv.ru

Движущими силами ненасильственной революции 1990-х гг. выступили две разные социальные группы.

С одной стороны, это была часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры, более молодые партийные и комсомольские кадры, которые в условиях «старения» советского режима не видели для себя перспектив быстрого карьерного роста, продвижения в высшие эшелоны власти, но обладали конкретными организационными и информационными ресурсами.

С другой стороны — сравнительно небольшая по отношению ко всем гражданам страны, в основном проживающая в двух столицах и крупных научно-промышленных центрах, но активно настроенная на перемены часть советской интеллигенции. Ключевой особенностью этой социальной группы, обладавшей всеми достоинствами и недостатками советской интеллигенции, была жажда перемен, пассионарность как непреодолимое внутреннее стремление к изменению к лучшему окружающей жизни. Свою главную задачу они видели в отмене шестой статьи Конституции СССР о ведущей и направляющей роли КПСС и устранение монополии этой партии на власть. О демократических политических и государственных порядках и рыночной экономике, о необходимости коренных политических и социально-экономических преобразований и сопряженных с ними трудностях и проблемах подавляющего большинства не только рядовых участников, но и лидеров протестного движения 1990-х гг. имело очень смутное представление.

Основу протестного движения 1990-х гг. составляли люди среднего возраста от 30–35 до 50–55 лет, небольшую — люди пенсионного возраста, а вот студенческая молодежь и, по советской терминологии, молодые специалисты в событиях тех лет значительного участия не принимали. Главными действующими лицами стали люди, находившиеся уже на подъеме или даже на вершине доступной им при советской системе профессиональной карьеры, но они были советскими романтиками и готовы были ради «всеобщего светлого будущего» неограниченно тратить свои силы и время на митинговую стихию даже в ущерб карьерному росту. Именно они составили костяк самого массового в то время общественно-политического движения «Демократическая Россия», которое служило организационной основой протеста. При этом от произошедших перемен фактически больше всех пострадали именно люди среднего возраста, так как значительная их часть, так и не осуществив до конца свою вполне успешную советскую карьеру, не смогла найти для себя профессионально комфортное место и благополучно встроиться в новую постсоветскую жизнь, поэтому многие из них сегодня озлобились, проклинают «лихие девяностые» и ностальгируют по советским временам.

Но тогда они были едины в своем революционном порыве и сплочены в общем стремлении разрушить советский забор, за которым должна была находиться, правда, не очень понятно какая, но непременно лучшая жизнь.

Главным источником заряжающей протестное движение энергии было вовремя и точно сказанное слово. Тот, кто вчера ярко публично выступил или написал, обнажая пороки советской системы, завтра становился кумиром и лидером протестного движения. Именно слово поднимало и спланивало людей, выводило их на митинги и демонстрации. Символический образ пассионария 1990-х — человек, идущий в колонне демонстрантов с работающим транзисторным приемником на груди, с упоением слушающий выступление очередного оппозиционного депутата, публициста, известного ученого или деятеля культуры. Но когда советский режим рухнул и от слов и уличных протестов необходимо было перейти к конкретным, каждодневным делам по строительству нового государства, у протестного движения, с одной стороны, не оказалось должного для этого потенциала, а с другой — даже тот небольшой и в основном пассионарный потенциал, который все же имел место, не был никак задействован.

Новое протестное движение, которое только начало зарождаться в конце 2011 г., имеет иную природу, иные побудительные мотивы и зарождается в качественно ином историко-политическом времени и условиях.

Те, кто вышли на Болотную площадь и проспект Сахарова протестовать против ныне правящего режима, помолодели по сравнению с теми, кто выходил на протестные митинги и демонстрации в начале 1990-х гг., лет на 10–15. Их основу составили люди в возрасте от 20–25 до 40–45 лет и, преимущественно, молодые, но уже не совсем «зеленые» специалисты в самых разных областях, управленцы начального и среднего звена частного сектора, часть студенческой молодежи. Вывело этих людей на улицы оскорбленное чувство собственного достоинства, унижение, которое они испытали, столкнувшись с обманом и фальсификациями на выборах депутатов Государственной Думы. Большинство из них вполне успешны в социальном и профессиональном плане. Профессиональная карьера, личное благополучие и благополучие семьи представляют для них основные ценности и цели в жизни. И в достижении этой цели они — прагматичные трудоголики и индивидуалисты. У них нет романтических иллюзий, что кто-то, кроме них самих, обеспечит им и их будущим и настоящим семьям «светлую жизнь».

Большинство вышедших на улицы в знак протеста еще только начинает осознавать, насколько серьезным препятствием для достижения их жизненных целей является правящий режим. У них еще не сформировалась какая-либо определенная политическая позиция, и они пока готовы тратить свое время и энергию на протест только по «остаточному принципу», в той мере, в которой это не мешает их профессиональной работе и выстраиванию карьеры. Тем более что они рассматривают для себя и такой возможный выход, как покинуть страну и пережить смутные времена за ее пределами.

Слово не является для них организующим и спланивающим началом. Они выходили на демонстрации и митинги не для того, чтобы слушать тех, кто что-то вещал с трибун. Им важно было выразить себя, собственную позицию, увидеть и вживую пообщаться с теми, кто также не хочет мириться с унижением и ложью. Главным организующим механизмом для них, естественно, послужил их профессиональный инструмент — Интернет, который не требует для быстрой и действенной самоорганизации создания централизованных и иерархических структур, не требует вожаков и вождей. Они в принципе не готовы «ходить строем», даже самым демократическим. Они чувствуют себя самодостаточными в оценках и принятии решений. Для них важны не только публичные дискуссии и обсуждения, но, в первую очередь, конкретные действия и результаты, даже если пока они сами и не знают какие. Они — люди постиндустриальных реалий жизни и инфокоммуникационной среды,

благодаря которой каждый может стать «нейроном» нарождающейся сетевой организации общества.

Некоторая часть сегодняшнего протестного движения политизирована и экзальтирована даже в большей степени, чем в начале 1990-х гг., когда общество достаточно жестко расколосось на коммунистов и демократов, между которыми до победы Ельцина во втором туре президентских выборах 1996 г. шла непримиримая борьба. Эта часть осталась в парадигме протеста 1990-х гг., она требует слова вождей и готова строем идти даже не за сильными лидерами, которых нет, а за хоть какими-нибудь вожаками, готова, как писал поэт, «задрать штаны, бежать за комсомолом». В этой части преобладают левые вожаки и взгляды, так как более молодым свойственно стремление к активным демаршам в борьбе за социальную справедливость в ее социалистическом понимании как равенства в нищете. Более ярко выраженной, чем в 1990-е гг., и проблемной частью протеста стали русские националисты, но их участие долгим не будет. К сожалению, политизированная часть сегодняшнего протеста серьезных перспектив оказать какое-либо значимое влияние на политический процесс не имеет, прежде всего в силу своей идейной и «технологической» отсталости.